

“И СНОВА КАТЫНЬ...”

Спор о Катыни продолжается... Можно сказать, весь нынешний год прошел под знаком этой трагической истории. Судьба польских пленных офицеров, чья жизнь, согласно официальной версии, оборвалась в апреле-мае 1940 года, не перестает волновать мировую общественность. Уж слишком многое здесь поставлено на кон. Доказать вину Советского Союза (а значит, и нынешней России, как правопреемника СССР) очень хотелось бы многим на Западе. Вечное чувство вины, которое Россия должна теперь испытывать перед Польшей, ставит нашу страну в унижительное, более того, в подчиненное положение перед страной, которую русские освободили от фашистского ига. А нас теперь равняют с фашистской Германией, что влечет за собой не только моральные, но и политические и экономические последствия. Разобраться в этой ситуации поможет документ, недавно подготовленный группой российских ученых во главе с Виктором Ивановичем Илюхиным, известным политическим деятелем, заслуженным юристом Российской Федерации. Это Рецензия на Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных. По материалам этого Заключения, появившегося в результате расследования, проведенного еще в печально памятном 1993 году, советское руководство, собственно, и обвиняется в причастности к гибели польских военнопленных. Таковое обвинение ставится под сомнение Рецензией, которая предлагается вниманию читателя с предисловием В. И. Илюхина.

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается Рецензия на Заключение экспертов Главной военной прокуратуры (ГВП) по уголовному делу № 159 о гибели польских офицеров под Смоленском в местечке под названием Катынь.

Она подготовлена известными правоведами и историками, специалистами в области криминалистики и расследования тяжких преступлений. Решение о ее написании было принято по результатам работы “круглого стола”, проведенного в Государственной Думе 19 апреля 2010 года по теме: “Катынь: правовые и политические аспекты”.

Рецензия стала еще одним шагом по восстановлению исторической правды о Катынской трагедии, формой защиты от огульных обвинений СССР и очернительства нашего недалекого прошлого.

Споры о Катынской трагедии не стихают уже несколько десятилетий и уходят своими корнями в первую половину двадцатого века.

Как известно, в сентябре 1939 года после возвращения Советским Союзом принадлежащих ему территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, оккупированных в 1918–1920 годах Польшей, в плен Красной Армии попало значительное количество польских солдат и офицеров.

В отечественной и зарубежной литературе называются разные цифры — от 150 до 250 тысяч, однако важно отметить, что из числа военнопленных сразу же были освобождены рекруты из крестьян, лица низшего сословия. Более 70 тысяч пленников были Советским Союзом вооружены и по просьбе польского правительства в изгнании направлены через Иран в армию генерала Андерса, воевавшую с немцами на западных фронтах. Другие военнопленные по собственному желанию вошли в иные воинские соединения, сформированные на территории СССР, и вместе с Советской Армией воевали с нацистами. Часть военнопленных была задействована на строительстве дорог, иных важных объектах в Смоленской области, на севере страны и в других местах, где их и застала война 1941–1945 гг. Поляки под Смоленском попали во второй плен, теперь немецкий, в силу того, что НКВД СССР не успел их перевезти в глубь страны. И для многих из них он окончился смертью от фашистских пуль.

Однако 13 апреля 1943 года радио и газеты фашистской Германии обнародовали сообщение рейхминистра Геббельса о том, что в местечке Катынь, недалеко от Смоленска, вдруг были обнаружены захоронения 10 тысяч трупов польских офицеров. И, как утверждали нацисты, расстрелянных НКВД СССР в апреле — мае 1940 года.

И тогда польское правительство, находящееся в Великобритании, сразу же поддержало геббельсовскую версию. Поддержало без какой-либо предварительной проверки, по одному заявлению гитлеровцев, уничтоживших десятки миллионов людей, в том числе и миллионы поляков. Почему так повело себя польское правительство? Объяснений несколько, но назовем лишь одно. Оно не могло простить того, что СССР в 1939 году вернул себе территории Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее оккупированные Польшей.

Спустя 10 дней после геббельсовского заявления американская газета “Нью-Йорк таймс” писала: “Как русские, так и поляки попали в нацистскую ловушку”. Это действительно так.

Гитлер на Катынской трагедии пытался решить несколько проблем.

Прежде всего — поссорить антигитлеровскую коалицию, которая обсуждала вопрос об открытии второго фронта против фашистов. Важно и то, что под Сталинградом сотни тысяч немецких солдат сдались в плен Советской Армии. Геббельс в своей пропаганде пытался донести до солдат вермахта, что в случае добровольной сдачи в плен советским войскам их ждет судьба польских военнопленных. Так думали и действовали вожди Третьего рейха.

24 января 1944 года, после проведения тщательных исследований, Советская комиссия, возглавляемая академиком Бурденко Н. Н., опубликовала сообщение о судьбе польских военнопленных, содержащихся в лагерях под Смоленском. На основании исследования трупов, других обстоятельств она пришла к обоснованному выводу, что поляки были уничтожены немцами после того, как они летом 1941 года оккупировали Смоленскую область.

СССР в 1946 году, пытаясь закрепить выводы комиссии Бурденко на Нюрнбергском процессе, вменил в вину фашистам уничтожение поляков под Катынью, и эти обвинения международным трибуналом были приняты. Однако при вынесении приговора эпизод с расстрелом поляков без каких-то объяснений выпал из текста этого документа, хотя Третий рейх и был признан виновным в массовом уничтожении военнопленных.

Это позволило полякам по-своему трактовать решение международного трибунала и еще с большим рвением обвинять Советский Союз в совершенных злодеяниях, в уничтожении “цвета польской нации”.

Таким образом, по настоящий день существует две диаметрально противоположные версии о лицах, виновных в гибели поляков.

На Катынской трагедии в Польше спекулировал профсоюз “Солидарность” вместе с Л. Валенсой, когда шел к власти. Администрация США использовала ее как одно из основных орудий в развале военного блока “Варшавский договор”. Польша оказалась в нем самым ненадежным партнером.

К сожалению, геббельсовская версия о расстреле поляков нашла своих сторонников и в Советском Союзе. Ее активно поддержали известные партийные функционеры А. Яковлев, Д. Волкогонов, В. Фалин. Тот же А. Яковлев заявил, что из Катынской трагедии надо сделать все, чтобы от СССР отвернулся весь оставшийся мир.

И делали. Президенты М. Горбачев, Б. Ельцин, а потом и В. Путин, не изучив глубоко всех обстоятельств, в спешном порядке принесли извинения Польше.

По факту гибели поляков было возбуждено несколько уголовных дел, которые потом соединили в одно, и расследование провела Главная военная прокуратура. В тех условиях следствию оставалось только облечь политическую волю руководителей страны в правовую форму, поэтому следствие оказалось необъективным, проведенным с грубыми процессуальными нарушениями, по сценарию, фактически написанному за пределами нашей страны. В результате 14-летнего расследования (что уже вызывает вопросы и недоумение) 21 сентября 2004 года ГВП приняла окончательное решение по делу, признав виновным в расстреле 21 700 пленных поляков НКВД СССР. Российские интересы были отброшены, а в Польше уже заявляют о необходимости предъявления иска к России по возмещению ущерба в размере, превышающем 100 млрд долларов США. Этого допустить нельзя. Но, к сожалению, дорожку судебному иску к нам прокладывает само нынешнее политическое руководство России и Главная военная прокуратура.

Нельзя оставить без внимания и тот беспрецедентный случай, когда материалы уголовного дела № 159 засекречены, а названное Заключение сразу же после его подписания экспертами было опубликовано в средствах массовой информации в Польше.

Читатель, ознакомившись с Рецензией на экспертное заключение, полагаем, сам даст оценку решениям, принятым как следователями, так и российскими учеными, привлеченными ГВП в качестве экспертов. Большинство этих ученых получали польские гранты, были награждены польскими орденами. Они пошли на сделку со своей совестью и до сих пор, как и некоторые российские политики, не осознают того, что ссылаться на геббельсовские, фашистские заявления и документы как на источник истины просто безнравственно, кощунственно и недопустимо.

Экспертное заключение является основным документом доказательной базы уголовного дела, ключевым доказательством. Но если оно не выдерживает никакой критики, то какова цена всех других доказательств?

Под напором весомых аргументов, изложенных в Рецензии, Главная военная прокуратура все-таки не устояла. Она вынуждена была признать, что так называемое заключение по уголовному делу № 159 о гибели польских офицеров в Катыни составлено с грубейшими нарушениями уголовно-процессуального законодательства и является недопустимым доказательством вины НКВД СССР в расстреле поляков под Смоленском.

Правда пробивает себе дорогу. Пусть с трудом, но пробивает.

Виктор Илюхин

Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле-мае 1940 г. гласит:

2 августа 1993 г. комиссия экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле – мае 1940 г. в составе: директора Института государства и права Российской академии наук академика Топорнина Бориса Николаевича; заведующего сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктора юридических наук, профессора Яковлева Александра Максимовича; главного научного сотрудника Института сравнительной политологии Российской академии наук доктора исторических наук, профессора Яжборовской Инессы Сергеевны; ведущего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики Российской академии наук доктора исторических наук Парсадановой Валентины Сергеевны; доцента кафедры спецдисциплин Военной академии Советской Армии кандидата военных наук Зори Юрия Николаевича; старшего эксперта отдела судебно-медицинской экспертизы Центральной судебно-медицинской лаборатории МО РФ подполковника медицинской службы кандидата медицинских наук Беляева Льва Валерьевича окончила экспертное

исследование, которое производилось ей с 17 марта 1992 г. по 2 августа 1993 г. на основании постановления старшего военного прокурора отдела Управления Главной военной прокуратуры подполковника юстиции Яблокова А. Ю.

На разрешение комиссии экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Определить, какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки могут быть признаны доброкачественными документами, а выводы, которые в них содержатся, — научными и обоснованными.

2. С этих же позиций проанализировать с учетом собранных документов польскую “Экспертизу Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров” и установить, заслуживают ли доверия выводы этого акта как научно обоснованного документа.

3. С учетом всех перечисленных в постановлении документов, выводов польской “Экспертизы”, собранных в ходе следствия документов и свидетельских материалов проанализировать с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки обоснованность и состоятельность выводов “Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров” под руководством Н. Н. Бурденко.

4. К каким новым выводам о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калининe, а также других польских граждан, содержащихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, с точки зрения юридической, исторической, медицинской науки и права приводят собранные в ходе следствия доказательства.

Комиссия, как указано в “Заключении”, проведя исследования, пришла к следующим выводам:

1. Материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления — массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14 522 польских военнопленных, которые 3 апреля — 19 мая партиями направлялись к месту расстрела и были расстреляны (выстрелами в затылок) в Катынском лесу, в тюрьмах УНКВД Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областей и захоронены в коллективных могилах в Козьих Горах, с. Медное Калининской области (ныне Тверская область) и в лесопарковой зоне г. Харькова. Это было установлено в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций.

В ходе данной экспертизы также установлено, что охвативший 70% жертв катынский идентификационный список 1943 г. (составленный по результатам извлечения трупов из массового захоронения) с вероятностью 0,6–0,9 совпадает со списками на отправку польских военнопленных из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области в апреле — мае 1940 г. Это является основанием для утверждения, что эти военнопленные захоронены в районе Катынского леса.

Доказано также, что единым умыслом одновременно в тюрьмах НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины были расстреляны 7305 поляков, в том числе около 1000 офицеров.

2. Расстрелы совершались на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. по представлению НКВД СССР, а также статьи 58 пункта 13 УК РСФСР, статьи 54 пункта 13 УК УССР и иных с нарушением как норм международного права, так и существовавшего тогда и требующего четкой правовой оценки весьма несовершенного внутреннего законодательства, не соответствовавшего международно признанным основам права, защищающим от преступлений против человечества. Совершенные деяния были санкционированы сталинским руководством партии и государства, являлись частью противоправных, преступных репрессивных акций тоталитарной системы, направленных в данном случае против граждан соседнего государства, в том числе и в значительной степени — военнопленных, особо защищаемых международным правом.

Адекватная правовая оценка этих преступлений, совершенных в рамках государственно-санкционированного террора, должна быть проведена на основе детально разработанных после Второй мировой войны принципов меж-

дународного права, на базе системы особых норм материального и процессуального права, с признанием наличия геноцида, преступлений против человечества, без срока давности.

3. Выяснение причин и обстоятельств появления польских военнопленных на советской территории показало прямую логическую причинно-следственную связь развития советско-германо-польских отношений в августе – сентябре 1939 г. и военных действий Красной Армии против польской армии с выполнением обязательств, вытекающих из советско-германских договоров 23 августа и 28 сентября 1939 г. и дополнительных секретных протоколов к ним, предполагавших решение вопроса о судьбах Польского государства, его территории, армии и о противодействии освободительной борьбе польского народа.

В сентябре–декабре 1939 г. в категорию военнопленных были зачислены и помещены в лагеря военнослужащие, как взятые в плен в ходе боевых действий Красной Армии, так и выявленные в ходе последующей регистрации; в трех спецлагерях НКВД – Козельском, Старобельском и Осташковском – были сосредоточены более 15 тыс. человек, из которых лишь 56,2% составляли офицеры (из них офицеры срочной службы составляли 44,9%, офицеры запаса, проходившие после мобилизации обучение в лагерях, – 55%, кроме того, были отставники, в том числе инвалиды войны 1920 г.). Остальные были гражданскими лицами, прежде всего служащими центрального и местного уровня управления, полицейскими, судьями и прокурорами, таможенниками и т. д. Значительная часть содержащихся в трех спецлагерях лиц была задержана и помещена в лагеря НКВД в качестве пленных без должных юридических оснований, как они сформулированы в Приложении к Гаагской конвенции.

4. Международному праву противоречил сам факт передачи лагерей военнопленных в ведение НКВД СССР. В Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях не соблюдался ряд норм международного права, определяющих положение и содержание военнопленных. Изначально не предполагалось освобождать их после окончания военных действий, как того требует Гаагская конвенция. Одновременно с проведением органами НКВД в лагерях оперативной работы развернулась подготовка и массовая передача дел военнопленных на особые совещания. В начале весны 1940 г. уничтожение польских военнопленных с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) стало осуществляться по упрощенной схеме и приняло тотальный характер.

Ускорение “разгрузки” трех специальных лагерей и следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины было тесно связано с рядом проблем сталинской внешней и внутренней политики. Осуществив “освободительный поход” в Западной Белоруссии и Западной Украине, развернув форсированные “социалистические преобразования” и проводя “оптимизацию” социальной и политической структуры, сталинское руководство при помощи органов НКВД “отсеивало” “чуждые в классовом и национальном отношении элементы” в массовом масштабе.

Акции в Прибалтике и Финляндии сопровождались поступлением нового крупного контингента пленных. Увеличение числа военнопленных и заключенных весьма обременило экономику. С конца 30-х годов велась “чистка” централизованно снабжавшихся категорий населения. Под нее попадали лагеря и тюрьмы НКВД, в которых нельзя было расширить сферу применения разных видов принудительного труда.

5. Содержавшаяся в ставшей основой для принятия постановления от 5 марта 1940 г. записке Л. П. Берии в адрес ЦК ВКП(б), на имя И. В. Сталина, мотивировка рассмотрения “вопроса НКВД СССР” и принятия решения об умерщвлении 22 тыс. человек не была адекватна ни составу задержанных, ни их действиям, представляя собой на деле “наклеивание” идеологических “классовых” ярлыков для оправдания преступления. Среди офицеров преобладали (составляя 55%) лица массовых гражданских профессий, требующих высшего образования, – учителя, врачи, инженеры, журналисты, профессорско-преподавательский состав университетов и институтов и т. д., то есть значительная часть военнообязанной польской интеллигенции. Другая ее часть – гражданские лица, превращенные в военнопленных или задержанные и помещенные в тюрьмы за “контрреволюционную деятельность”, являлись преимущественно служащими разного уровня – чиновниками администрации, суда, почты и т. д. Они были арестованы по “классовым мотивам”, на деле –

в ходе ликвидации Польского государства и его армии, как правило, не за противоправные действия, а в связи с вероятностью включения в освободительную борьбу. Репрессирование по национальному признаку вытекает из записки Л. П. Берии со всей определенностью.

Уничтожение в апреле – мае 1940 г. 14 522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей в УНКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям и одновременно 7305 заключенных следственных тюрем НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины, за которым последовал массовый вывоз их семей в глубь СССР (депортация), явилось тяжчайшим преступлением против мира, человечества и военным преступлением, за которое должны нести ответственность И. В. Сталин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б), принявшие постановление об этом массовом умерщвлении невинных людей; Л. П. Берия, В. Н. Меркулов, Б. З. Кобулов, Л. Ф. Баштаков, П. К. Сопруненко и другие сотрудники НКВД СССР, НКВД УССР и НКВД БССР, которые на своем уровне принимали участие в подготовке и реализации решения, организовали непосредственное исполнение этой преступной акции; В. М. Блохин, С. Р. Мильштейн, Н. И. Синегубов и начальники УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, их первые заместители, коменданты и сотрудники комендатур, шоферы и надзиратели, исполнявшие преступные распоряжения, тюремные надзиратели и другие лица, принимавшие участие в расстрелах польских военнопленных и заключенных поляков следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к преступлениям против мира, военным преступлениям и преступлениям геноцида виновные в уничтожении 14 522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР и 7305 поляков, содержащихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, указанные выше лица должны нести судебную ответственность согласно внутреннему законодательству за противоправное превышение власти (ст. 171 УК РСФСР в редакции 1929 г.), приведшее к умышленному убийству (ст. 102 УК РСФСР) в особо крупных размерах, которое должно рассматриваться как геноцид.

7. Все польские военнопленные, расстрелянные в УНКВД трех областей, как они записаны в списках, а также 7305 поляков, расстрелянные без суда и вынесения приговора в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, не совершали преступления, предусмотренного статьей 58 пунктом 13 УК РСФСР, или иного и подлежат полной реабилитации как невинные жертвы сталинских репрессий, со справедливым возмещением морального и материального ущерба.

С учетом всего комплекса обстоятельств массового расстрела около 22 000 польских военнопленных и заключенных весной 1940 г. необходимо дать как правовую, так и политическую оценку этому факту и ходатайствовать о вынесении соответствующего решения на уровне высших органов страны.

8. Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытым вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств.

Выводы экспертизы, приведенные в “Официальном материале по делу массового убийства в Катыни”, можно признать достаточно обоснованными результатами проведенной эксгумации и судебно-медицинского исследования трупов. Выводы четко указывают на то, что давность событий расстрела установлена только на основании документов, изъятых из одежды трупов польских военнопленных, а судебно-медицинские данные не противоречат этой давности. По сути, такой же вывод делает и Техническая комиссия ПКК.

10. В настоящее время невозможно однозначно оценить, являются ли нет научно обоснованными выводы комиссии Н. Н. Бурденко в своей судебно-медицинской части, нельзя, так как в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, которые бы описывали исследовательскую часть работы судебных медиков в составе этой комиссии. Однако те данные, которые приведены в “Официальном материале” и “Секретном докладе”, позволяющие с большой долей достоверности утверждать, что у комиссии Н. Н. Бурденко не было никаких научных оснований для той точной датировки расстрела (сентябрь–декабрь 1941 г.), которую комиссия дала в своих материалах.

11. Все другие данные судебно-медицинского характера (о причине смерти, повреждениях и их происхождении) не расходятся по существу ни в одном из документов.

12. Достоверно установлено, что польские военнопленные из Старобельского и Осташковского лагерей были расстреляны весной 1940 г. и захоронены в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова и в Медном Калининской области.

13. Анализируя содержащиеся в материалах дела медицинские данные (результаты эксгумаций в Харькове и Медном и последующих исследований), можно лишь дополнить некоторые моменты, касающиеся расстрела польских военнопленных. Так, среди обнаруженных при эксгумации в Харькове и Медном черепов имеются свидетельствующие о том, что некоторые жертвы расстреливались несколькими (двумя-тремя) выстрелами. При этом в отдельных случаях первый выстрел производился не в затылок, а в передне-боковые отделы черепа.

По судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медном невозможно определить время наступления смерти погибших. Значительная давность событий и установленная в Медном значительная вариантность скорости протекания поздних трупных явлений не позволяют в настоящее время решить этот вопрос.

14. Сообщение Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко, выводы комиссии под руководством В. И. Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления — не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ “Сообщения Специальной комиссии” является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко. Он оказался весьма полезным при критическом рассмотрении результатов ее работы на основе собранных в ходе следствия документов и свидетельских показаний.

15. Эксперты констатируют, что данное заключение комиссии и постановление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 “О факте расстрела польских военнопленных” должны быть опубликованы аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу.

Таков полный текст этого “Заключения”.

И вот 19 апреля 2010 г. в Государственной Думе был проведен “круглый стол” по теме “Катынская трагедия — правовые и политические аспекты”. У участников “круглого стола” возникли сомнения в некоторых выводах вышеприведенного “Заключения”, почему группа российских ученых, специалистов в составе:

Илюхина Виктора Ивановича, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора наук, профессора, разработчика и заявителя законопроекта “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации”, руководителя группы ученых, подготовивших комментарии к Федеральному закону “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации”;

Обухова Сергея Павловича, депутата Государственной Думы, доктора исторических наук;

Плотникова Алексея Юрьевича, доктора исторических наук, профессора;

Савельева Андрея Николаевича, депутата Государственной Думы 4-го созыва, доктора политических наук;

Крука Виктора Михайловича, генерал-майора юстиции, в 1992–1999 гг. помощника заместителя Генерального прокурора РФ — Главного военного прокурора;

Колесника Александра Николаевича, доктора исторических наук;

Емельянова Юрия Васильевича, кандидата исторических наук, лауреата писательской премии имени Шолохова —

провела анализ ранее обозначенного экспертного “Заключения” и пришла

к следующим оценкам и выводам, изложенным в **Рецензии на Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры.**

Приводится полный текст Рецензии:

С начала апреля 2010 г. в России и Польше вновь набрала обороты шумная кампания вокруг захоронений польских офицеров в Катынском лесу, о которых впервые сообщили геббельсовские средства массовой информации 67 лет назад. В сообщениях по радио и печати Третьего рейха с 13 апреля 1943 г. утверждалось, будто польские офицеры были убиты советскими властями.

Ныне эта геббельсовская версия реанимирована. При этом польской стороной и правительством России полностью игнорируются выводы Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров, которую возглавлял главный хирург Красной Армии, генерал-полковник медицинской службы, президент Академии медицинских наук, основоположник нейрохирургии Николай Нилович Бурденко. В состав Комиссии входили писатели, священнослужители, видные общественные деятели. Комиссия имела в своем распоряжении опытных судебных экспертов. В опубликованном 24 января 1944 г. сообщении Комиссии были изложены многочисленные свидетельства, позволившие сделать однозначный вывод: расстрелы в Катынском лесу были совершены немцами.

Комиссия экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в своем "Заключении" от 2 августа 1993 г. поставила перед собой задачу "обосновать несостоятельность выводов "Сообщения" Комиссии Бурденко, сделать "новые выводы" из расследования Катынского дела".

Однако экспертное "Заключение" от 2 августа 1993 г. не может считаться таковым, а содержащиеся в нем выводы ничтожны и несостоятельны в правовом и историческом аспектах. Его можно считать частным мнением группы лиц, выражающих определенные политические установки российской власти начала 90-х годов 20 столетия. Исходя из того, что ответы в большинстве своем не соотносятся с вопросами, можно полагать, что ранее подготовленный текст (вероятнее всего – с участием польских специалистов) был затем оформлен в экспертное "Заключение".

Правовая несостоятельность "Заключения" выражается в следующем.

1. Вопросы, поставленные старшим прокурором отдела ГВП Яблоковым А. Ю. от 17 марта 1992 г. перед авторами "Заключения", выходят за пределы обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Исходя из смысла статей 69, 78 УПК РСФСР, ч. 7 ст. 8 Федерального закона № 173 от 31 мая 2001 г. "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом (экспертами) по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом или экспертами в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Само заключение эксперта является одним из видов (средств) доказывания.

Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, определен ст. 68 УПК РСФСР (ст. 73 УПК РФ). В частности, закон обязывает доказывать событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также иные обстоятельства.

При этом в разъяснении, данном в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР "О судебной экспертизе по уголовным делам" от 16 марта 1971 г., указано, что перед экспертами нельзя ставить вопросы, выходящие за пределы их специальных познаний, и вопросы, которые носят правовой характер. Они должны относиться исключительно к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Вопросы, сформулированные Яблоковым А. Ю. перед экспертами в постановлении от 17 марта 1992 г., никакого отношения к предмету доказывания

по уголовному делу № 159 не имеют. Более того, они не конкретны, их разрешение не входит в компетенцию экспертов.

Так, экспертам предложено определить, какие документы из находящихся в уголовном деле могут быть признаны доброкачественными документами с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки и являются ли содержащиеся в них выводы научными и обоснованными. Что подразумевается под понятием “доброкачественные документы”, в постановлении не раскрывается – видимо, предполагается, что эксперты сами определяют критерии доброкачественности представленных им для исследования документов.

Между тем уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия “доброкачественный документ”. В толковых словарях русского языка Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, В. И. Даля под словом “доброкачественный” понимается нечто (товар, предмет) хорошего качества, без изъяна, а слово “документ” означает “доказательство, свидетельство, деловая бумага”, подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь.

Кроме того, перед экспертами недопустимо поставлен вопрос о новых выводах, о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калининe, а также других польских граждан, содержащихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины.

Экспертам фактически предложили взять на себя функции следствия, суда, дать оценку имеющимся в уголовном деле доказательствам и сделать новый вывод о наличии (или отсутствии) обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Из смысла и конструкции поставленного перед экспертами вопроса следует, что собранные по делу доказательства и определенные выводы на их основе уже имеются, но эти выводы следствие не устраивают.

Если отрешиться от терминологической и лингвистической эквилибристики Яблокова А. Ю., то станет очевидно, что перед экспертами фактически поставлена конкретная, но противоречащая уголовно-процессуальному закону задача – провести переоценку имеющихся в деле документов с точки зрения их допустимости в качестве доказательств и подвести под это некую научную базу с **заранее определенными политическими выводами.**

2. Эксперты вышли за пределы своей компетенции.

По общему правилу, в соответствии со ст. 78 УПК РСФСР эксперты в осуществляемом ими исследовании и заключении не вправе выходить за пределы своей научной компетенции, то есть делать выводы по вопросам, которые не могут быть разрешены на основе представляемых ими отраслей знаний.

В вводной части экспертного “Заключения” эксперты указали сведения о себе и о своей специализации – два юриста (Топорнин Б. Н., Яковлева А. М.); специалист сравнительной политологии, занимающийся изучением политики путем сравнения и сопоставления однотипных явлений в различных политических системах (Яжборовская И. С.); специалист Института славяноведения и балканистики, чья сфера деятельности – изучение истории, литературы, культуры, языка зарубежных славянских народов, а также других народов Балкан и Центральной Европы (Парсаданова В. С.); специалист Военной академии по спецдисциплинам, только каких – непонятно (Зоря Ю. Н.); специалист по раневой баллистике (Беляев Л. Л.). Примечательно, что в составе экспертной комиссии нет ни одного криминалиста (исследовались ведь документы), судебного медика, биолога.

В силу указанных обстоятельств напрашивается вывод, что вопреки требованиям ст. 78 УПК РСФСР высказанные “экспертами” суждения по представленным им объектам выходят за пределы продекларированных ими специальных познаний и основаны на личных бытовых представлениях и восприятиях исследуемых событий и фактов, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона (см. Постановление Пленума ВС СССР от 29 сентября 1988 г. по делу Лубянского В. И.).

Однако это не помешало указанным “экспертам” взяться за разрешение вопросов из совершенно других областей знаний и сделать безапелляционный вывод о том, что “материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления – массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14 522 польских военнопленных”.

С такой же легкостью “эксперты” установили мотив “государственно-санкционированного террора” НКВД – национальная принадлежность погибших (разумеется, польская) “в связи с вероятностью включения в освободительную борьбу” этих самых погибших граждан с ненавистным сталинским режимом, а также цель этого террора – “ликвидация Польского государства и его армии”, что, конечно же, по мнению экспертов, должно расцениваться не иначе, как геноцид в отношении поляков, преступление против человечества в целом.

Эксперты пошли дальше и заявили в своем “Заключении”, что они установили и виновников “раскрытого” ими преступления в лице И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берии, В. Н. Меркулова, Б. З. Кабулова, Л. Ф. Баштакова, П. К. Супруненко, С. Р. Мильштейна, В. М. Блохина, Н. И. Синегубова, Е. И. Куприянова, П. С. Сафонова, Д. С. Токарева, а также комендантов, шоферов, надзирателей тюрем лагерей, где содержались лица польской национальности, а заодно и квалифицировали их действия как “геноцид, военные преступления против человечества (человечности), на которые не распространяется срок давности”.

Однако возникли существенные противоречия. Российские “эксперты” ГВП, с одной стороны, всецело поддерживают геббельсовскую версию, с другой – перечеркивают ее. Все дело в том, что в 1943 г. германским информационным бюро главными виновниками, палачами польских офицеров названы Лев Рыбак, Авраам Борисович, Павел Брозинский и Хайм Финберг. Но их тогда никто не разыскал, не установили и потом. И это тоже не случайно. Геббельс, провокационно называя еврейские фамилии, пытался решить и другую поставленную им задачу – не только оклеветать СССР, но и оправдать уничтожение гитлеровцами еврейской нации.

Можно утверждать, что с подачи польской стороны эксперты пришли к выводу об уничтожении сотрудниками НКВД СССР цвета польской интеллигенции. Заявка большая, однако в исследовательской части и выводах “Заключения” не было названо ни одной фамилии поляка, принадлежащего к “цвету” интеллигенции или нации, его конкретные заслуги и дела. К тому же только сам род деятельности и занятий, профессия человека не могут одновременно определять его принадлежность к “цвету” нации или даже к “цвету” интеллигенции.

А дальше зафиксировано:

“В связи с тем, что в настоящее время из числа выявленных преступников в живых остались П. К. Супруненко и Д. С. Токарев, надлежит решить вопрос об их ответственности, в частности, об их аресте, привлечении к судебной ответственности, а в случае признания их виновными – наказания в России, не дожидаясь вынесения этого дела в Международный суд в Гааге, как предлагает польская общественность”.

“В действиях польских военнопленных и других польских граждан, содержащихся в 1939–1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, в тюрьмах и лагерях западных областей Белоруссии и Украины и расстрелянных по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), отсутствует состав преступления, и они подлежат реабилитации как безвинные жертвы сталинских репрессий в соответствии со статьями 2 и 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г., с дополнениями от 22 декабря 1992 г. “О реабилитации жертв политических репрессий”.

Это и есть главный польский заказ, исполненный так называемыми российскими экспертами. В Польше, в первую очередь на уровне Института национальной памяти, Комитета по Катыни, давно заявляли о геноциде, призывая устроить судилище над Советским Союзом, его политическим руководством.

Наличие “польского следа” подтверждается и тем, что исследуемое нами “Заключение” незамедлительно после его подписания было опубликовано в польской печати, а оттуда перекечовало в российские средства массовой информации.

Произошло разглашение материалов уголовного дела, вокруг которых опять возникли политические дебаты. Сделано это было умышленно, чтобы уже до окончания предварительного расследования сформировать общественное мнение об убийстве поляков сотрудниками НКВД СССР.

Подобное обнародование состоялось по предложению “экспертов”, которые в п. 15 выводов записали: “...данное заключение комиссии и постанов-

ление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 “О фактах расстрела польских военнопленных” должны быть опубликованы аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу”.

Подобное требование “экспертов” недопустимо, оно противоречит российскому процессуальному законодательству и является беспрецедентным в судебно-следственной практике.

Исходя из этих и других фактов, можно утверждать, что следствие военной прокуратуры не носило самостоятельный, объективный характер, а было заложником политических интриг и амбиций. Этот вывод базируется и на материалах “круглого стола” по теме “Катынь – правовые и политические аспекты”, состоявшегося 19 апреля 2010 г. в Государственной Думе, на котором было установлено, что **следователи прокуратуры получили указание расследовать и доказывать только одну версию – о расстреле польских офицеров НКВД СССР. Другие обстоятельства и версии были отброшены, а доказательства, подтверждающие расстрел пленных поляков немцами после оккупации ими летом – осенью 1941 г. Смоленской области, проигнорированы.**

Необъективность следствия подтверждается и тем, что в ходе него были допущены грубые нарушения законности, в том числе и граничащие с коррупционными проявлениями. Отмечены недопустимые факты непосредственной передачи следователями документов уголовного дела польской стороне, факты нарушения процессуальной этики, выразившиеся в систематическом посещении ими польского посольства в г. Москве и Дома российско-польской дружбы, где для них устраивались фуршеты и иные застолья. Следователи без большой надобности выезжали в длительные служебные командировки в Польшу и на отдых за счет польской стороны. **За усердие перед поляками они были награждены высокими государственными наградами Польши.**

“Эксперты” вопреки своим полномочиям, как уже отмечалось ранее, не имели права определять юридическую квалификацию содеянного и не имели полномочий заявлять о целесообразности ареста П. К. Сопруненко и Д. С. Токарева, привлечении их к судебной ответственности и наказанию в России.

И вовсе являются недопустимыми утверждения об отсутствии в действиях польских военнопленных и других польских граждан какого-либо состава преступления. Для подобных выводов у экспертов не было никаких оснований, ибо в материалах уголовного дела ГВП не исследовалась деятельность каждого военнопленного, тем более имена всех погибших на тот период не были установлены, как не установлены они и сейчас.

Таким образом, осуждая бериевское правосудие, “эксперты” в своих оценках и приемах скатились на опасную стезю огульного обвинения сотрудников НКВД и руководства СССР.

Уголовно-правовая оценка всегда носит индивидуальный характер, к тому же в материалах дела отсутствуют сведения о поведении поляков до их пленения. А это очень важный аспект.

В исторических документах и литературе приведена масса свидетельств о жестоких расправах поляков, в том числе и офицерства, над белорусами и украинцами после оккупации Польшей территорий Западной Белоруссии и Западной Украины в 1919–1920 гг. По польским архивным данным, на оккупированных землях лишь в 1922 г. произошло в разных местах свыше 800 восстаний против панского засилья. Польские офицеры, получившие во владение захваченные земли, вели активное ополячивание и окатоличивание белорусского и украинского населения. С помощью карательных частей, жандармов и прочих служителей было отобрано у православных 288 храмов, 7 монастырей, более 100 церквей. К 1921 г. в Западной Белоруссии из 400 национальных школ осталось не более 37. При подавлении выступлений коренного населения использовались армия, в частности кавалерийские дивизии. Тысячи белорусов, украинцев, евреев, боровшихся за свои социальные и национальные права, были убиты или заключены в Березово-Картузовский концентрационный лагерь.

В начале 30-х годов в уголовном законодательстве Польши была установлена ответственность в виде лишения свободы не менее чем на десять лет или вечной тюрьмы за стремление изменить государственный строй, а стремление “оторвать часть ее территории” подлежало наказанию тюрьмой не менее чем на десять лет, или вечной тюрьмой, или смертью. Несомненно, такое

воздействие в первую очередь было направлено на жителей Западной Белоруссии и Западной Украины.

“Эксперты”, без сомнения, не только вышли за пределы своей компетенции, но и недопустимо присвоили себе предусмотренные ст. 71 УПК РСФСР функции суда и органа предварительного расследования по оценке имеющихся в уголовном деле доказательств. Более того, в ст. 13 УПК РСФСР прямо указано, что правосудие по уголовным делам осуществляется только судом, и никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

О выходе “экспертов” за пределы своей компетенции свидетельствует и факт самостоятельного сбора ими исходного доказательственного материала для исследования, помимо представленных им для изучения материалов дела.

Так, в разделе “Исследование” текст экспертизы начинается словами: “Изучив материалы уголовного дела № 159, собранные документы...”. Из этого следует, что комиссия исследовала не только материалы уголовного дела № 159, но и некие другие документы, собранные непосредственно комиссией, то есть присвоила себе предусмотренные ст. 70 УПК РСФСР функции уполномоченных государством субъектов по сбору и оценке доказательств по уголовному делу.

3. Экспертами произведена подмена объекта и цели исследования.

Перед экспертами была поставлена конкретная задача – определить, какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы могут быть признаны доброкачественными (надо полагать – доказательными), содержащиеся в них выводы – научными и обоснованными (включая польские документы и документы комиссии академика Бурденко Н. Н.), а также на основе собранных в ходе следствия доказательств сделать новые выводы о сроках, причинах, мотивах и обстоятельствах гибели польских граждан. То есть объектом экспертного исследования должны быть материалы уголовного дела и собранные в нем доказательства.

Анализ текста представленного “экспертами” “Заключения” показывает, что никаких исследований документов уголовного дела № 159 в рамках данной экспертизы не проводилось.

“Эксперты” фактически заменили в силу своего разума объект, представленный на экспертизу (документы), на то, что им было, видимо, ближе и доступнее, – на повествование об истории советско-польско-германских отношений в своей интерпретации с претензией на политическую оценку происходящих процессов как в СССР, так и между СССР, Польшей и Германией.

Они пространно рассуждают о вещах, не имеющих отношения к предмету доказывания по данному делу, – о Рижском мирном договоре, о героическом сопротивлении Польши втягиванию ее в Антикоминтерновский союз, о замыслах Сталина, верхушки партийно-государственного аппарата по разделу польской земель, о предательском, вероломном нападении Красной Армии на ведущую “героическую борьбу” с немецко-фашистскими войсками Польши, о вынашиваемых и реализуемых руководителями СССР коварных селективно-репрессивных акциях по ликвидации польского государства и т. д. Особо следует отметить категоричность и повторяющиеся с настойчивостью утверждения об уничтожении цвета польской интеллигенции, ученых с мировыми именами, о нарушениях Советским Союзом норм Гаагской конвенции 1907 г. “О законах и обычаях сухопутной войны”, других международных договоренностей, о том, как вместо отправки домой польских граждан заставляли жестоко и незаслуженно страдать в страшных сталинских лагерях.

В этих отвлеченных экскурсах, замешанных на подтасовках фактов, в рассуждениях о правах человека с позиций сегодняшнего дня нет главного – упоминания о результатах исследования каких-либо документов уголовного дела на их подлинность, достоверность, относимость и допустимость, о самой гибели пленных поляков.

Очевидно, это было сделано не случайно. Начни эксперты исследовать на подлинность главный козырь сторонников теории сталинского геноцида польского народа, на который они многократно ссылаются в своем “Заключении”, – известную записку Л. П. Берии И. В. Сталину, “вдруг обнаруженную” Б. Н. Ельциным в сентябре 1992 г. (напомним, что данная экспертиза назначена Яблоковым А. Ю. еще 17 марта 1992 г.), и сразу возникнут вопросы: по-

чему в материалах дела нет ее подлинника, других решений ВКП(б) по данному вопросу, почему на ней отсутствует дата, почему текст из четырех машинописных листов выполнен на разных машинописных аппаратах; почему выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 5 марта 1940 г. никем не заверена; почему 24 сентября 1992 г. Конституционный суд по так называемому делу “о запрете КПСС” усомнился в подлинности этих “исторических документов” и исключил “катынский эпизод” из рассмотрения.

А усомниться было в чем. На выписке из решения Политбюро ЦК ВКП(б) (тоже якобы от 5 марта 1940 г.) о расстреле польских пленных имеются подчистки, исправления. Отсутствуют оттиск печати, подпись секретаря ЦК, не обозначена его фамилия. Согласно отметке на выписке она была отпечатана в четырех экземплярах: одна из них передана Берии, две уничтожены и одна осталась в архиве на постоянное хранение.

Однако после обнаружения Росархивом 28 апреля 2010 г. документов “Особой папки” оказалось, что в ней имеется еще одна выписка, которая в 1959 г. якобы передавалась председателю КГБ Шелепину. Выписка также датирована мартом 1940 г. Но на ней уже указана фамилия секретаря ЦК КПСС – “Сталин” и стоит оттиск печати – “ЦК КПСС”, хотя общеизвестно, что в 1940 г. компартия не называлась КПСС, а именовала себя ВКП(б).

Записка Шелепина Н. С. Хрущеву от 3 марта 1959 г. пролежала в ЦК КПСС шесть лет без регистрации, а в самой записке в каждом абзаце и предложении – масса неточностей, искажений известных фактов и орфографические ошибки.

Подобные вопросы имеются по всем основным документам уголовного дела, но ответов на них в рассматриваемом экспертном “Заключении” по понятным причинам нет.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что составлявшие “Заключение” специалисты в рамках своего экспертного исследования под прикрытием якобы проведенных ими научных изысканий сознательно ушли от предмета и цели исследования для пропаганды и агрессивного навязывания немецко-польской версии гибели польских военнопленных на территории Советского Союза. К тому же в “Заключении” нет ни описаний исследований, ни ссылок на примененные научно разработанные и признанные методики этих исследований.

4. “Заключение” экспертов составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона.

Согласно ст. 80 УПК РСФСР эксперт дает заключение от своего имени на основании произведенных исследований в соответствии с его специальными знаниями и несет за данное заключение личную ответственность.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 16 марта 1971 г. № 1 “О судебной экспертизе по уголовным делам”, разъясняя применение названной выше нормы уголовно-процессуального закона, указал (п. 6), что “когда для установления того или иного обстоятельства невозможно путем проведения отдельных экспертиз, либо это выходит за пределы компетенции одного эксперта или комиссии экспертов, может быть назначено проведение ряда исследований на основе использования разных специальных познаний. Эксперты вправе при этом составить совместное заключение. В заключении экспертов должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт, какие факты он лично установил и к каким пришел выводам”.

В данном случае “Заключение” экспертов не соответствует требованиям закона. В нем не указаны исследования, проведенные каждым специалистом, какие конкретно факты в ходе этих исследований установил эксперт и к каким выводам каждый из них пришел в результате проведенных исследований.

При таких обстоятельствах следует признать, что экспертами допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, вследствие чего “Заключение” не может иметь доказательственного значения.

5. В “Заключении” приведены не соответствующие действительности факты, искажающие обстоятельства описываемых событий.

Так, в п. 1 выводов указано, что в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций установлен факт убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях 14522 польских военнопленных.

Между тем в 1991 г. следственной группой ГВП совместно с польскими специалистами при проведении частичных эксгумаций в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова было извлечено 167 останков, на территории недалеко от п. Медное Тверской области (в прошлом Калининской области) эксгумировано 243 тела. **Сколько из них принадлежат гражданам Польши, следствием не установлено.** Кадры оперативной съемки показывают, что из захоронений извлекались разрозненные кости, черепа и их фрагменты (источник — РИА Новости, 9 октября 2008 г.).

Как видим, следственная группа ГВП при проведении эксгумации тел летом 1991 г. не могла выкопать и идентифицировать по национальному признаку 14 522 тела.

К этому надо добавить, что эксгумацию фактически проводили польские специалисты. Они же провели и исследование полученных материалов, якобы найденных в захоронениях, которые не были приобщены к уголовному делу, а увезены в Польшу. Такое недопустимо при расследовании уголовных дел, это ставит под сомнение всю имеющуюся в деле доказательную базу.

В основу сделанного в “Заключении” вывода о массовом расстреле польских военнопленных органами НКВД положены опубликованный 10 июня 1943 г. информбюро Германии “Официальный материал по делу массового убийства в Катыни” и отчет Технической комиссии Польского Красного Креста. При этом со ссылкой на “Конфиденциальный отчет ПКК” подчеркивается, что все технические действия и работы в ходе эксгумации 1943 г. провели члены ПКК и ее выводы совпадают с изложенными в немецком “Официальном материале”.

Однако это утверждение не соответствует действительности.

На самом деле в Смоленск 14 апреля 1943 г. прибыли 3 польских эксперта из состава Технической комиссии Польского Красного Креста. Технической она была названа, чтобы подчеркнуть ее неофициальный характер. Еще 12 человек прибыли в Катынь 29 апреля 1943 г. во главе с доктором судебной медицины Марианом Водзиньским. Работали в Козьих Горах до 9 июня 1943 г. под надзором немецкой жандармерии.

Как следует из отчета Технической комиссии ПКК, большую часть трупов немцы эксгумировали самостоятельно до приезда членов ПКК и иностранных специалистов, а “члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только указывать следующие документы: а) бумажки; б) всевозможные бумаги; в) награды; г) медальоны; д) погоны; е) кошельки; ж) всевозможные ценные предметы”. Все эти предметы и иные вещи находились в полном распоряжении немецких специалистов и жандармов. Представителям из состава Международной комиссии и членам ПКК было дозволено осмотреть (не исследовать, а именно осмотреть) 9 извлеченных из могил трупов. Как признают сами эксперты, упомянутая Международная комиссия была сформирована в апреле 1943 г. в Берлине для придания международного резонанса Катынскому делу, и член этой комиссии венгерский профессор Ф. Оршос “выдвинул гипотезу, что расстрел имел место в 1940 г.”. Эксклюзивная методика, на основании которой выдвигалась гипотеза Ф. Оршоса, естественно, является тайной и в “Заключении” не раскрывается.

Нет необходимости погружаться в более детальный разбор всей “исследовательской” деятельности так называемой Международной комиссии и ПКК, чтобы понять, что их присутствие на устроенном немцами спектакле с эксгумацией, опознанием и сбором доказательств носило чисто показательный, декоративный характер, **результат этого мероприятия был заранее предрешен в Берлине**, а выводы комиссии и членов ПКК по определению не могли не совпадать с выдвинутой немцами версией о произошедшей трагедии.

Следует отметить, что никаких внятных вещественных или иных доказательств, позволяющих сколько-нибудь определенно подтвердить польско-немецкую версию гибели польских военнопленных, нет, и они не приводятся в “Заключении” экспертов. Однако в изобилии присутствуют откровенные подлоги, искаженные факты, доведенные до абсурда домыслы, с помощью которых сделана попытка доказать, что только Советский Союз, испытывая патологическую ненависть к полякам, мог учинить злодеяния против польского народа, равносильные геноциду.

6. Выводы экспертов основаны не на фактическом материале, а на вероятностных предположениях, выдаваемых в дальнейшем за конкретные и однозначные.

Как уже отмечалось, эксперты в категорической форме заявили, что расстрел около 22 тысяч польских военнопленных совершен в апреле-мае 1940 г. органами НКВД СССР. Такой вывод, по признанию самих экспертов, сделан на основе изучения немецкого “Официального материала”, отчета Технической комиссии Польского Красного Креста, анализа польскими экспертами результатов работы Специальной комиссии Н. Н. Бурденко.

Однако эксперты ГВП стыдливо умолчали, что еще в декабре 1945 г. два ведущих польских профессора судебной медицины Ян Ольбрыхт и Сергиуш Сенгалевич осуществили научную судебно-медицинскую экспертизу (отзыв) “Официального материала о Катынском убийстве”, подготовленного немецким профессором Герхардом Бутцем, руководившим немецко-польской эксгумацией в Козьих Горах в 1943 г. Их мнение было следующим: выводы, сделанные проф. Бутцем, “не выдерживают никакой критики”. Ольбрыхт и Сенгалевич доказали, что команда Бутца осуществляла эксгумацию в Катыни с грубейшими нарушениями канонов эксгумации, **фальсифицируя результаты**. Исследование названных медэкспертов настолько аргументированно, что ни поляки, никто другой не посмели его опровергнуть.

В заключительной части экспертизы (п. 14) указано, что “сообщение Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко, выводы комиссии под руководством В. И. Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления – не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ “Сообщения Специальной комиссии...” является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко”.

В обоснование своих выводов эксперты приводят следующие аргументы:

– комиссия Бурденко Н. Н. не была не только международной, но даже не включала деятелей находившейся в СССР польской общественности (например, Союза польских патриотов);

– объем работ судебно-медицинских экспертов, руководимых директором НИИ судебной медицины, главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения СССР Прозоровским В. И., был принципиально иным, чем в экспертизе первичного исследования в 1943 г.: производилось полное секционное исследование всех извлеченных трупов (вскрытие полостей головы, груди, живота), при этом установка была дана на изобличение определенного способа расстрела, якобы характерного для немецких палачей, на поиск опровержения выводов немцев;

– выводы комиссии Н. Н. Бурденко были звеном в цепи фальсификаций, предпринятых сталинским партийно-государственным руководством и органами НКВД для сокрытия правды о катынском злодеянии;

– доказательства даты расстрела весной 1940 г. “содержались в многочисленных обнаруженных на трупах документах (газетах, дневниках и др.) с последним обозначением март – май 1940 г.”.

Между тем, делая столь серьезные заявления, назначенные эксперты не смогли привести, кроме голословных домыслов, никаких доказательств, подтверждающих, что комиссия под руководством Н. Н. Бурденко являлась “орудием НКВД” в манипулировании общественным мнением.

В акте экспертизы также не раскрыто, в чем именно проявилась необъективность комиссии Н. Н. Бурденко. **Не показано, какие конкретно документы, вещественные и иные доказательства были комиссией Н. Н. Бурденко сфальсифицированы и в результате каких исследований, кем, по каким научным методикам это установлено.**

Признавая выводы комиссии под руководством Н. Н. Бурденко не соответствующими требованиям науки, эксперты не назвали, о каких именно требованиях науки идет речь, каким из них конкретно выводы комиссии Н. Н. Бурденко не соответствуют и каковы критерии определения соответст-

вия тех или иных выводов, суждений требованиям науки. Более того, эксперты сами себя опровергли, признав, что “в настоящее время однозначно оценить, являются или нет научно обоснованными выводы комиссии Н. Н. Бурденко в своей судебно-медицинской части, нельзя” (п. 10 выводов).

Таким образом, следует признать, что все обвинения, высказанные экспертами в адрес комиссии Н. Н. Бурденко, являются несостоятельными и голословными.

Точно так же бездоказательно и без каких-либо вразумительных доводов авторы экспертизы **предлагают безоговорочно признать единственно правильной (!) и научно обоснованной немецко-польскую (точнее, немецкую) версию гибели польских военнопленных.**

Однако заявили, что в 1943 г. у экспертов международной комиссии врачей не имелось объективных научных предпосылок (в частности, четкого знания каких-либо закономерностей вариантности развития поздних трупных явлений в условиях массового захоронения) для того, чтобы по исследованным ими (конкретным судебно-медицинским способом) трупам в Катынском лесу сделать заключение о дате захоронения с точностью, позволяющей отнести ее на 1940-й или 1941 г. Экспертами также отмечено, что невозможность определения дат захоронения в массовых могилах по исследованным трупам зафиксирована и в заключении Технической комиссии Польского Красного Креста.

Далее в “Заключении” отмечено: “Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытым вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств” (п. 8 выводов), “по судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медно невозможно определить время наступления смерти погибших” (п. 13 выводов).

Понимая, что с такими откровениями не считаться нельзя, авторы “Заключения” делают следующее предположение: “Видимо, по этим же причинам и международная комиссия врачей в 1943 г. не посчитала возможным дать судебно-медицинскую характеристику давности захоронения (расстрела) польских военнопленных, и в своих выводах они указывали лишь на то, что состояние трупов не противоречит дате расстрела в 1940 г., которая установлена только на основании документов, обнаруженных при трупах. Такую же позицию занимали и эксперты ПМК”.

На отмеченных выше документах следует остановиться отдельно.

В разных местах “Заключения” упоминается об обнаружении так называемых вещественных доказательств – документов, советских газет – на трупах, при трупах, “из слипшихся трупов и в большом количестве”, свидетельствующих о гибели польских военнопленных весной 1940 г. Однако какие именно документы, их название, предназначение и описание, как и где они были изъяты, – об этом в экспертизе ничего не сказано.

При этом “эксперты” и не заметили, что своими утверждениями о наличии “вещественных доказательств” они фактически опровергли собственную версию о расстреле поляков сотрудниками НКВД СССР, предъявлявшими, как известно, жесткие требования к процедуре расстрела, – это полная скрытность места его проведения, отсутствие у расстреливаемого, в его одежде документов и вещей, способных его идентифицировать.

В связи с этим уместно привести высказывание ярой сторонницы геббельсовской версии о расстреле военнопленных доктора исторических наук Н. Лебедевой: “Конвоиры отбирали у пленных их личные вещи – котелки, флаги, кружки, вещевые мешки, чемоданы, ремни, сапожные щетки, острые предметы. Все это сваливалось в кучу и забивалось в ящики без учета и описи, кому принадлежит та или иная вещь” (Лебедева Н. С. “Катынь: преступление против человечества”. С. 240).

Как видно из отчета Технической комиссии Польского Красного Креста от 17 апреля 1943 г., все, что находили во время эксгумации трупов, забиралось в полное распоряжение немцев. Члены польской комиссии не имели права ничего просматривать и сортировать.

Из этого следует однозначный вывод – весь арсенал вещественных доказательств в 1943 г. полностью формировался немцами по своему усмотрению. Никто из экспертов в руках их не держал и, естественно, не исследовал. Но при этом эксперты пытаются убедить всех, что документы, подтверждаю-

шие осуществление акций по уничтожению поляков именно весной 1940 г., были, но, к сожалению, их уже нет.

Ущербность такой позиции, когда желаемое выдается за действительное, очевидна.

Комиссия Бурденко в 1944 г., согласно ее отчету, вскрыла под Катынь 925 трупов поляков и пришла к выводу о расстреле их немцами. Комиссия Геббельса в апреле 1943 г., если даже признать ее выводы достоверными, провела исследование чуть более 4 тыс. трупов.

Главная военная прокуратура, как следует из материалов уголовного дела, в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова (25 июля – 9 августа 1991 г.) вскрыла 167 останков поляков и в Медном Тверской области (15–25 августа 1991 г.) – 243 трупа. Отметим, что эксгумацию фактически проводили польские специалисты. Таким образом, можно говорить о количестве всех эксгумированных трупов – не более 6 тысяч. Сотрудникам же НКВД и членам Политбюро ВКП(б), как уже отмечалось, вменяют в вину расстрел более 21 тысячи поляков. Этот вывод сделан на основе предположений, сомнительных документов, не подвергнутых глубокому экспертному исследованию. К тому же в отсутствие эксгумированных трупов и без установления их национальности вменить в вину указанное количество жертв является недопустимым с правовой и просто здоровой точки зрения.

Важность этого положения усиливается и тем, что подавляющее количество списков жертв следствию представила польская сторона. Они не были глубоко проверены на предмет достоверности, гибели лиц, указанных в списках, времени, места и причин смерти.

Материалы комиссии Н. Бурденко не утратили своей актуальности и являются весомой доказательной базой вины немцев в расстреле польских офицеров в августе–декабре 1941 года под Смоленском в районе Козьих гор (Катынь).

Выводы комиссии в совокупности с доказательствами, собранными историками, юристами, иными исследователями “катынского вопроса” в послевоенный период, убедительно опровергают геббельсовско-польскую версию о расстреле поляков органами НКВД СССР.

Назовем лишь некоторые, наиболее существенные из них.

Важным доказательством, подтверждающим расстрел поляков в Катынском лесу именно немцами, является наличие гильз от немецкого оружия на месте расстрела, наличие пуль в трупах от немецкого оружия. У многих жертв руки связаны бумажным шпагатом, который в 1940 г. в СССР не производился, а производился в Германии. Проигнорировано и то обстоятельство, что на многих убитых находилась теплая одежда, что опять подтверждает выводы комиссии Бурденко о том, что поляки были расстреляны в большинстве своем осенью – зимой 1941 г., а не в апреле – мае 1940 г.

Перед отправкой из Козельского лагеря в распоряжение НКВД по Смоленской области всем польским военнопленным были сделаны прививки от брюшного тифа и холеры (весной 1940 г.). Этот факт был отмечен в ходе немецкой эксгумации в 1943 г.

Если везли на расстрел, как утверждают авторы “Заключения”, тогда зачем делали прививки?

Отсутствие в архивах каких-либо документов “об исполнении” расстрела поляков. Они неизбежно должны быть, если бы расстрел военнопленных осуществили органы НКВД СССР. Этот вывод подтверждается наличием сохранившихся материалов на этапирование в лагеря на работы военнопленных поляков в распоряжение УНКВД по Смоленской области.

Отсутствие реальной “технической” возможности “незаметно” осуществить расстрел нескольких тысяч поляков в 1940 году в урочище Козьи горы в открытом месте, в зоне отдыха, пионерских лагерей, в 200 метрах от оживленного движения на Витебском шоссе. Это место было открытым для посещения жителей Смоленской области и не закрывалось до того момента, когда в 1941 году немцы обнесли его колючей проволокой и поставили вооруженную охрану.

Расстрел поляков немцами подтверждается многочисленными свидетельскими показаниями, находящимися в материалах комиссии Н. Бурденко, а также дополнительными свидетельствами, собранными в послевоенный период, в том числе пояснениями немцев, имевших отношение к катынским событиям.

Подводя итог вышесказанному, можно однозначно утверждать, что “Заключение” от 2 августа 1993 г. по уголовному делу № 159 не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, содержащиеся в нем выводы тенденциозны, необъективны и юридически ничтожны.

Не может быть объективно признанной и данная “экспертами” политико-правовая оценка ситуации, в которой находился Советский Союз в 1939 г., его отношений с Польшей и Германией. Их исследования и выводы также носят откровенно политизированный, односторонний, русофобский характер. Были проигнорированы жизненно важные на тот период интересы СССР, вопросы его безопасности.

Авторы “Заключения” не без оснований решили начать рассмотрение “катынского дела” с вопросов развития советско-польско-германских отношений перед Второй мировой войной. Однако, поставив такую задачу, они ограничились упоминанием о Рижском мирном договоре 1921 г., советско-польском договоре о ненападении 1932 г., конвенции об определении агрессии, заключенной между Польшей и СССР в 1933 г., и ряда других далеко стоящих от предмета доказывания событий. Авторы “Заключения” лишь вскользь упомянули о том, что до войны “советско-польские отношения развивались трудно”. Зато немало было сказано о советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. и советско-германском договоре о государственной границе и дружбе от 28 сентября 1939 г. Вряд ли такой выбор событий в международной жизни на протяжении двух десятилетий достаточен для взвешенной оценки сложнейших вопросов, во многом обусловивших начало Второй мировой войны.

С первых же дней существования Польской республики ее отношения с РСФСР обострились. 2 января 1919 г. в Варшаве была расстреляна жандармами миссия Советского Красного Креста во главе с Б. Веселовским. Правительство И. Падеревского, пришедшее к власти 19 января 1919 г., продолжило антисоветскую политику своих предшественников, развернув вооруженные действия по захвату земель Украины и Белоруссии. В ходе этой необъявленной войны Западная Украина и большая часть Белоруссии, включая Минск, были захвачены польскими войсками.

Авторы “Заключения” скрывают то обстоятельство, что Рижский мирный договор был навязан советской стране, разоренной и ослабленной Гражданской войной, под угрозой возобновления военной интервенции западных держав. Этот договор не разрешил проблем, приведших к войне 1920 г., а породил новые, осложнявшие отношения между Польшей и Советским Союзом на протяжении последующих лет.

В ходе ассимиляции, или “полонизации”, украинцев и белорусов ликвидировались православные церкви. Уже к концу 1924 г. большинство белорусских начальных школ было закрыто или превращено в польские. Учителя уволены, многие из них брошены в концентрационные лагеря. К 1939 г. не осталось ни одного издания на белорусском языке. Польский министр Скульский заявлял в 1925 г.: “Я заверяю вас, что через десять лет вы днем с огнем не найдете ни единого белоруса в Польше”.

Последствия этой политики геноцида были отражены в меморандуме белорусских депутатов сейма, направленном 5-й сессии Лиги наций, в котором говорилось: “Белорусский народ испытывает невыносимый террор от поляков... Телесным наказаниям подвергаются белорусские крестьяне... В начале года депутат Тарашкевич посетил Полесье; он не обнаружил ни одной деревни, где кто-либо избежал безжалостных избиений со стороны поляков... Польская полиция... выработала систему утонченных пыток”.

Столь же безжалостным было национальное угнетение украинцев. Борьба за права населения Западной Украины и Западной Белоруссии органично соединялась с сопротивлением национальному гнету Варшавы.

Заключение Рижского мирного договора не привело и к ликвидации многих последствий войны 1920 г. Вопреки положениям этого договора в концентрационных лагерях Польши продолжали содержаться в невыносимых условиях советские военнопленные. 9 сентября 1923 г. нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин в ноте польскому поверенному в делах России писал: “В течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч”.

Авторы “Заключения” скрыли, что правительства довоенной Польши грубо нарушали положения Рижского мирного договора, поддерживая диверси-

онную деятельность различных антисоветских группировок вроде формирований самозванного “начальника Белорусского государства” генерал-майора С. Н. Булах-Булаховича.

В межвоенные годы Польша постоянно стояла в авангарде внешнеполитических действий, направленных против Советского Союза. В это время она активно поддерживала усилия западных держав по созданию “санитарного кордона”, изолирующего СССР от европейского мира.

На советско-польской границе не прекращались вооруженные провокации, а территория Польши служила базой для вылазок диверсионных террористических банд. 15 марта 1922 г. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР обратился с нотой протеста к ведущим странам Западной Европы по поводу событий на западной границе советских республик. В ней указывалось: “Русское правительство имеет неопровержимые доказательства формирования враждебных банд на территории соседних государств”. В связи с тем, что “против Советской России заключаются новые военные союзы”, НКВД высказал тревогу по поводу возможности “новой военной интервенции, открытой или замаскированной”.

Несмотря на это, 31 марта – 3 апреля 1925 г. на конференции Генеральных штабов Польши, Латвии и Эстонии было принято решение о координации действий разведок этих стран против СССР. Распределены зоны разведки на территории нашего государства, достигнута договоренность об обмене развединформацией.

1927 г. был отмечен всплеском новой международной антисоветской кампании, в ходе которой выдвигались планы развязывания интервенции против СССР. Частью этой кампании стало убийство советского полпреда в Варшаве Войкова.

Эта кампания была продолжена в 1930 г., после того, как папа римский Пий XII призвал верующих к “молитвенному походу” против СССР. Правительство католической Польши живо откликнулось на инициативу Ватикана. В ходе состоявшихся в течение 1930-х годов обменов визитами между правительственными делегациями Эстонии и Польши постоянно обсуждались планы военного нападения на СССР.

Упомянув о советско-польском договоре о ненападении 1932 г., авторы “Заключения” пишут: “Ошибочно было бы приписывать польской стороне прогерманский, прогитлеровский курс. Ю. Бек, польский министр иностранных дел, действовал с позиции равной удаленности от Германии и России – “двух врагов”. На самом деле “равной удаленности” не существовало.

Крен польского правительства в сторону Германии усилился после прихода к власти Гитлера. В своих беседах с польским посланником Высоцким в мае 1933 г. Гитлер всячески подчеркивал не только “миролюбие” и “уступчивость” Германии, но и “общность задач” двух стран в борьбе против “угрозы с Востока”. Приведенные заявления нашли отклик в правящих кругах Польши, которые подогревались новыми призывами к общей борьбе против коммунизма и рассуждениями о том, что “расположенная на границе Азии” Польша должна сыграть роль “бастиона”. Эти слова прозвучали в беседе Гитлера с польским послом Липским 15 ноября 1933 г.

Сближение Польши и гитлеровской Германии нашло выражение в подписании 26 января 1934 г. декларации о мирном разрешении споров.

В это время Германия уже вышла из Лиги наций и встала на путь милитаризации. Незадолго до подписания польско-германской декларации 19 декабря 1933 г. СССР предложил ряду европейских стран подписать договор о взаимной помощи против агрессии. Предполагалось, что в этом договоре могли бы принять участие помимо СССР и Франции Бельгия, Чехословакия, Польша, прибалтийские страны, то есть те государства, которые граничили с Германией и могли бы стать жертвами ее агрессии. Однако предложения Советского Союза были отклонены.

В “Заключении” ни слова не сказано о соучастии Польши в разделе Чехословакии, но зато утверждалось, будто правительство Польши с 1936 г. отвергало призывы Германии к совместным действиям против СССР. При этом было сказано, что 25 ноября 1936 г. Германия пригласила Польшу присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, но она не согласилась с предложением. На самом деле 25 ноября 1936 г. так называемый Антикоминтерновский пакт был подписан между Германией и Японией, а Польше в тот день никто

никаких предложений по поводу присоединения к этому пакту не делал. В то же время совместные действия Германии и Польши по срыву Восточного пакта, разделу Чехословакии, по плану раздела Прибалтики имели явную антисоветскую направленность.

Дипломаты, а также иные должностные лица Польши и Германии длительное время вели между собой переговоры об укреплении своих связей и возможном захвате земель Советского Союза. При этом высказывалось мнение, что Украина стала бы зоной влияния Польши, а северо-запад России – зоной Германии.

Авторы “Заключения” умалчивают о том, что польское правительство 11 мая 1939 г. отвергло предложение Советского правительства о заключении договора о взаимопомощи. Польша сохраняла верность своему антисоветскому курсу.

Умалчивается и о том, как западные державы затягивали решение вопроса о принятии срочных мер по оказанию отпора гитлеровской агрессии начиная с весны 1939 г. Когда переговоры с представителями Англии и Франции о заключении соглашения о военном сотрудничестве начались 12 августа 1939 г., советская делегация заявила о готовности направить для борьбы против агрессии 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 10 тысяч танков, 5 тысяч самолетов. Однако вскоре выяснилось, что советские войска по вине Польши не смогут приблизиться к армии агрессоров. Можно с полной уверенностью заявить, что **при согласии польской стороны с советскими предложениями ситуация в Европе имела бы иной характер, могло быть предотвращено нападение Гитлера на Польшу, его продвижение на восток.**

С 17 по 20 августа 1939 г. дипломаты Великобритании и Франции несколько раз обращались к польскому министру Беку с призывом согласиться на пропуск советских войск через польскую территорию, но получили отказ. Об этом нет ни слова в “Заключении”, но зато там много высказано набившей оскомину критики относительно советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Объясняя причины подписания СССР договора о ненападении с Германией, авторы “Заключения” утверждали: “Сталин рассчитывал, что путем сделки с Германией, нейтрализовав ее агрессию против СССР ценой раздела Польши, удастся ее “переиграть”, потянуть время и столкнуть Гитлера с “оплотом западного империализма” – Англией и Францией”. При этом они скрыли, что подписанию договора от 23 августа 1939 г. предшествовало Мюнхенское соглашение от 30 сентября 1938 г., позволившее Гитлеру захватить Чехословакию и развернуть агрессию против СССР.

Все это свидетельствует о том, что совершенно очевидно история польско-советских и польско-германских отношений изложена в “Заключении” крайне однобоко. Все, что не отвечает апологетическому восхвалению довоенной политики Польши, выброшено из повествования, ряд утверждений откровенно лжив. В результате политика Польши в отношении СССР и гитлеровской Германии искажена до неузнаваемости.

Такой же метод произвольной манипуляции с историческими и иными фактами авторы “Заключения” использовали и при изложении других аспектов так называемого “Катынского дела”.

В частности, договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. и германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. “экспертами” определены как волюнтаристские решения Сталина и верхушки партийно-государственного аппарата, навязанные стране и противоречащие интересам независимости ряда третьих стран. Фактически весь анализ опять-таки сведен только к “интересам” других государств, в первую очередь Польши, и нигде не говорится об интересах Советского Союза – они отброшены за ненадобностью.

Августовские договоры 1939 г. СССР подписал с Германией после того, как Англия и Франция, годом раньше согласившись с немцами по Мюнхенской договоренности об оккупации Гитлером Судетской области Чехословакии, отказались заключать с нами соглашение о создании антигитлеровской коалиции. И если уж говорить о морали в международных отношениях, то следует констатировать, что Польша поступила более чем безнравственно, “отхватив” у Чехословакии в этот сложный период часть ее территории.

Создается впечатление, что “эксперты” военной прокуратуры вовсе не знали или не хотели учитывать то, что СССР последним, находясь на грани дипломатической изоляции, подписал в августе 1939 г. с Германией договоры о ненападении и границе. Тогда как 30 сентября 1938 г. была подписана декларация о ненападении и мирном решении спорных вопросов между Германией и Великобританией, а 6 декабря того же года – аналогичная франко-германская декларация. Такой же договор с Германией имела и Польша.

7 июня 1939 г. договоры о ненападении с Германией заключили Латвия, Литва и Эстония. Поэтому утверждения о том, что договор СССР с Германией стал прологом ко Второй мировой войне, являются абсурдными, а в настоящее время они еще и густо окрашены политическими пристрастиями. Договор был инструментом обороны, а не агрессии, как об этом заявляют честные и совестливые политики, историки по Мюнхенской договоренности, дипломаты.

Однако политическое руководство Польши, ряда других государств и присоединившиеся к ним отдельные российские историки обвиняют Советский Союз в заключении с Германией секретных протоколов, которые якобы предопределили судьбу ряда соседних с ним государств. Речь идет о разграничении, в первую очередь, территориальных пограничных интересов в зоне других стран.

При этом ссылаются на секретный дополнительный протокол, в котором указано: “В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии Нарев, Висла и Сан. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть исключительно выяснен только в течение дальнейшего политического развития”.

Общеизвестно, что подлинники секретных протоколов не установлены, и вопрос об их подписании и существовании так и остается открытым.

Если же и согласиться с их существованием, то Советский Союз, заявляя о возможности установления новых границ, преследовал определенные стратегические цели – вернуть СССР принадлежащие ему территории Западной Белоруссии и Западной Украины, которые были оккупированы Польшей и закрепились за ней по кабальному для Советской России Рижскому договору от 18 марта 1921 г. Сталинское политическое руководство, в своих конечных целях не предусматривавшее ликвидации Польши как самостоятельного государства (оно было восстановлено сразу же по окончании Второй мировой войны), “прирезало” к послевоенной Польше часть восточногерманских земель (а также передало Польше Белостокскую область и город Перемышль. – **Прим. ред.**), в дальнейшем же, как мы знаем, СССР оказывал огромную финансовую, материальную поддержку в восстановлении и развитии польской экономики.

Не надо забывать и тот факт, что только 17 сентября 1939 г. Советский Союз ввел войска Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, **только после того как польское правительство и главнокомандующий польскими вооруженными силами маршал Рыдз-Смиглы позорно бежали из страны.** Польша пожинала плоды своей недалновидной русофобской политики, отказавшись до нападения на нее Гитлера 1 сентября 1939 г. открыть коридоры для Красной Армии, чтобы та вместе с польскими войсками могла остановить немцев на ее западных границах.

Одновременно Советский Союз, реализуя свое право на защиту от немецкой агрессии и вернув принадлежащие ему территории Западной Белоруссии и Западной Украины, на определенный срок сдержал продвижение гитлеровцев по территории Польши дальше на восток, к ранее существовавшей советско-польской границе.

Уместно отметить, что после ввода войск Красной Армии ни само польское правительство, ни ее союзники Великобритания и Франция не посчитали СССР агрессором и не объявили ему войны.

По высказыванию Черчилля, ввод советских войск на украинскую и белорусскую часть Польши – вынужденная мера, которая была “...необходима, чтобы обезопасить Россию от нацистской угрозы”. Об этом заявил человек, который хорошо знал военно-политическую обстановку того времени в Восточной Европе и был далеко не другом СССР.

Следует также отметить, что “эксперты” ГВП недобросовестно, с большими искажениями делают ссылки на Постановление 2-го съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.”, отмечая, что сам договор с юридической точки зрения находился в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих государств.

Однако эксперты умышленно скрывают, что подобная оценка относится к так называемым “секретным протоколам”, подлинники которых, как уже отмечалось, так и не установлены, и есть сомнения в том, что протоколы подписывались вообще.

Что касается самого договора, то съезд отметил: “Содержание договора не расходится с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований...” (п. 3).

Заключался он “... в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей – отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны” (п. 2).

Совершенно некорректными и неуместными являются обвинения “экспертов” в нарушении СССР Гаагской конвенции “О законах и обычаях сухопутной войны” от 18 октября 1907 г. Они вновь проявили необъективность, обеляя польскую сторону и оставляя без внимания ее методы ведения войны против России в 1919–1920 гг. Жестокое обращение польских властей с пленными красноармейцами в польских лагерях, по некоторым данным, стоило жизни свыше 80 тысячам человек.

В частности, явно несостоятельны утверждения экспертов, что СССР после окончания боевых действий не распустил польских военнослужащих по домам. Данное утверждение не соответствует действительности. **Из плененных 230–250 тысяч человек более половины сразу же были освобождены из плена – в первую очередь рядового и сержантского состава; свыше 70 тысяч военнопленных были отправлены в армию польского генерала Андерса для ведения боевых действий с немцами в южной части Европы.**

Повествуя, при каких обстоятельствах польские офицеры стали военнопленными, авторы “Заключения” обращают основное внимание на то, что вступление Красной Армии на польскую территорию произошло без формального объявления войны Польше. “Эксперты” словно не замечают ноты советского правительства, врученной польскому послу в Москве, где черным по белому сказано: “... польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни, польское государство и его правительство фактически перестали существовать”.

В “Заключении” говорится о разделе Польши между Германией и СССР. На самом же деле под советскую юрисдикцию, как мы уже отмечали, возвращены земли Западной Украины и Западной Белоруссии, то есть те территории, которые еще в 1919–1920 гг. ведущие державы мира признали не принадлежащими Польше.

Необъявление войны объяснялось и тем, что советские войска вступили в Польшу для того, чтобы, как говорилось в ноте, “взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии”. Они не имели намерения уничтожить остатки польской армии. **Учитывая это, главнокомандующий польской армии Рыдз-Смиглы перед своим бегством в Румынию отдал приказ не оказывать сопротивления Красной Армии.**

В “Заключении” нет ни слова о восторженном приеме солдат Красной Армии в западных областях Украины и Белоруссии. Между тем в своем исследовании “Революция из-за границы”, подготовленном на основе письменных свидетельств поляков, покинувших СССР вместе с армией Андерса в 1942 г., Ян Гросс, которого никак нельзя заподозрить в просоветских симпатиях, признавал: “Следует отметить и сказать это недвусмысленно: по всей Западной Украине и Западной Белоруссии, на хуторах, в деревнях, городах Красную Армию приветствовали малые или большие, но в любом случае заметные, дружелюбно настроенные толпы. Толпы сооружали триумфальные арки и вывешивали красные знамена (достаточно было оторвать белую полосу от польского флага, чтобы он стал красным). Войска засыпали цветами, солдат обнимали и целовали, целовали даже танки. Иногда их встречали хлебом и солью”.

Как отмечал Я. Гросс, “части польской армии, перемещавшиеся через восточные воеводства – их всего было несколько сот тысяч солдат, – во многих случаях наталкивались на недружественное отношение местного населения. Свои последние бои польская армия на своей территории вела против украинцев, белорусов, евреев”. Так как последние обращались за помощью к советским войскам, то в стычки втягивалась и Красная Армия. Этим во многом объяснялись ее потери и одновременно аресты и последующее привлечение польских офицеров к уголовной ответственности. Часть из них была осуждена на сроки от 3 до 8 лет лишения свободы и работала на специальных объектах, а около 3,2 тыс. человек были расстреляны по приговорам военных трибуналов и “особых совещаний”.

Попытки бывших польских офицеров организовывать среди местного польского населения заговоры против новой власти также вызывали аресты среди поляков. При этом основная часть населения Западной Украины и Западной Белоруссии усиленно помогала советским властям “разоблачать заговорщиков”, даже если их деяния были не вполне очевидными.

Об этих моментах авторы “Заключения” стыдливо умолчали. Вместо этого они несколько раз настойчиво повторяют, что СССР не выполнял обязательства международных конвенций об обращении с военнопленными, подписанных в Женеве в 1864 г. и в Гааге в 1907 г. Поскольку авторам “Заключения” известно, что к **рассматриваемому периоду СССР не подписал эти конвенции**, то они уверяют, будто советское правительство делало устные заявления о готовности их выполнять. Между тем для того, чтобы страна стала участницей международной конвенции, ее полномочные представители должны подписать этот документ, а высший орган власти этой страны – ратифицировать.

Рассказывая об обстоятельствах пленения польских офицеров, авторы “Заключения” проявили не только недобросовестность в выборе исторического материала, но и невежество в вопросах международного права.

В своем “Сообщении” члены Комиссии Н. Н. Бурденко так объясняли причины уничтожения польских офицеров немцами: **“Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику уничтожения славянских народов”**. Утверждая, что польские офицеры были расстреляны немцами, советские власти еще до начала работы комиссии под руководством Н. Н. Бурденко исходили из всего, что было известно о действиях немецко-фашистских оккупантов к весне 1943 г. Немало было известно и о планомерной политике уничтожения славянских и других народов, объявленных в гитлеровской Германии “неполноценными”. Материалы, которые были затем представлены на Нюрнбергском процессе, подтвердили справедливость таких суждений.

Из них следует, что Польша стала объектом широкомасштабных репрессий в ходе нацистской оккупации. В известной записке М. Бормана, представленной на Нюрнбергском процессе, излагались принципы германской политики в превращенной в генерал-губернаторство Польше.

Германия уже с первых дней оккупации Польши начала проводить безжалостную политику по отношению к ее народу. В первый же год оккупации свыше двух миллионов поляков были вывезены на принудительные работы в Германию. Польское население подвергалось жестоким репрессиям. В интервью Ганса Франка, генерал-губернатора Польши, данному корреспонденту газеты “Фелькишер беобахтер” Клайссу 6 февраля 1940 г., объяснялось, чем отличается жизнь в протекторате Богемия и Моравия от жизни в генерал-губернаторстве: “Образно я могу об этом сказать так: в Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно 7 чехов. Тогда я сказал себе: **“Если бы я захотел отдать приказ о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы изготовить бумагу для таких плакатов. Да, мы должны были поступать жестоко”**.

Однако вскоре Франк заявил, что до сих пор оккупанты не действовали в полную силу при проведении репрессий. 30 мая 1940 г. в своем выступлении перед руководителями полиции генерал-губернаторства Ганс Франк говорил: “10 мая началось наступление на западе, и в этот день во всем мире пропал интерес к событиям, которые происходят здесь у нас”. Франк жаловался на то, что до тех пор в мире публиковались сообщения о массовых репрессиях в

Польше, и это, мол, заставляло оккупационные власти проявлять известную сдержанность. “С 10 мая, – объявлял Франк, – мы не придаем этой ужасной всемирной пропаганде никакого значения. Я признаюсь откровенно, что **тысячи поляков поплатятся за это жизнью, и, прежде всего, это будут руководящие представители польской интеллигенции.** Обергруппенфюрер СС Крюгер и я решили, что мероприятие по умиротворению будет проведено ускоренными темпами”.

Что означало это “мероприятие по умиротворению”, Ганс Франк раскрыл в своем дневнике в 1940 г.: “Кто нам подозрителен, должен быть тотчас ликвидирован. Если в концентрационных лагерях рейха находятся заключенные из генерал-губернаторства, то они должны быть уничтожены на месте”.

Население польских земель, включенных в состав Германии, было полностью лишено прав. В официальном докладе правительства Польши, представленном для Нюрнбергского процесса, указывалось: “4 декабря 1941 г. Геринг, Фрик и Ламмерс подписали декрет, который фактически ставил всех поляков и евреев на присоединенных территориях вне закона. Декрет делает из поляков и евреев особую второсортную группу граждан. По этому декрету поляки и евреи обязаны к безусловному послушанию по отношению к рейху. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено “по интуиции”, обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции”.

В докладе говорилось: “Одной из наиболее отвратительных черт гитлеровской оккупации в Польше было применение системы заложничества. Коллективная ответственность, уплата коллективной пени и торговля человеческой жизнью считались лучшим методом порабощения польского народа”. В своем выступлении перед руководителями нацистских партийных организаций в Кракове Франк говорил: “Я не постесняюсь заявить, что **если будет убит один немец, то будет расстреляно до ста поляков**”.

Уже к концу 1939 г. в Польше было уничтожено свыше 100 тысяч человек, на ее территории были созданы лагеря смерти Освенцим (или Аушвиц), Майданек, Трешлинка и другие. В своем выступлении Франк говорил: “Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: “Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 000 поляков”, – то он бы сказал: “Прекрасно, если это необходимо”. К концу своего хозяйничанья **немцами было уничтожено около 6 миллионов поляков – 22% населения страны. Конечная цель политики геноцида состояла в ликвидации к 1950 г. всего польского народа.**

Уничтожение немецкими оккупантами в Катынском лесу польских офицеров, оказавшихся в советском плену, а затем схваченных немцами, было закономерным продолжением политики Гитлера по полной ликвидации образованного населения Польши.

Очевидно, что авторы “Заключения” не сочли идейно-политические цели нацистов, направленные на порабощение польского населения и уничтожение его значительной части, достаточно основательными для объяснения расстрелов в Катынском лесу. В то же время, обвиняя СССР в уничтожении польских офицеров, они были вынуждены искать иные мотивы для действий советской власти, нежели стремление уничтожить польское население. Им было трудно обвинить их даже в стремлении уничтожить всех кадровых офицеров, а также офицеров запаса Польши, потому что десятки тысяч таких же офицеров, находясь в других лагерях СССР, не были уничтожены. Часть из них покинула пределы СССР вместе с армией Андерса, часть осталась на советской земле, сражаясь в составе дивизии имени Тадеуша Костюшко, а затем Войска Польского.

Чтобы объяснить причины расстрела, авторы “Заключения” решили придумать бытовые причины – недостаток мест в лагерях и нежелание советских властей тратить средства на содержание пленных. В “Заключении” есть ссылка на то, что “в СССР реализовывался курс на уменьшение бюджетных ассигнований, на сокращение централизованного снабжения лагерей. В НКВД проводилась кампания по увеличению рентабельности лагерей”. Этого, видимо, авторам “Заключения” показалось мало, и они объявили, что в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях привлечение к работам ограничивалось в основном рамками самообеспечения лагерей. Содержание в них военнопленных было, естественно, избыточным и обременяло народное хозяйство “дополнительными затратами”. Не приведя никаких доказательств в пользу низкой “рентабельности” трех лагерей, авторы “Заключения” объявили, что

руководство НКВД решило избавиться от “нерентабельных” лагерей, расстреляв их обитателей.

До сих пор не приведено ни единого примера, доказывающего, что какой-либо лагерь, находившийся в ведении ГУЛАГа, ликвидировался по причине “нерентабельности” — **не найдено ни единого документа в пользу того, что три лагеря с польскими военнопленными были “нерентабельными”, не процитировано ни одного предложения от руководства НКВД о необходимости избавиться от обитателей “нерентабельных” лагерей.** Но это не смутило авторов “Заключения”.

Чтобы усилить весомость своей аргументации, они привели еще один довод: “Новых помещений и трат требовало размещение в лагерях военнопленных в связи с советско-финской войной 1939–1940 гг.” Авторы “Заключения” не удосужились обратить внимание на то, что советско-финляндская война завершилась 12 марта 1940 г. и **обмен военнопленными с Финляндией был в основном завершен к апрелю-маю**, когда, по их утверждению, были произведены расстрелы обитателей переполненных лагерей. И вновь возникают вопросы: где и когда в системе ГУЛАГа производились массовые расстрелы по причине переполнения помещений в лагерях и почему это жестокое очищение “жилплощади” было произведено за счет десятков тысяч польских офицеров?

С другой стороны, что бы ни твердили нынешние СМИ, руководители НКВД знали о вероятности нападения Германии на СССР, подготовка к такому нападению проводилась в СССР. Как показали последующие события, наличие польских офицеров на советской территории позволяло создать полноценную армию Польши, способную сражаться против вермахта. Поэтому устраивать огульное уничтожение польских офицеров было бы просто абсурдно. Однако заангажированным экспертам, писавшим “Заключение”, видимо, и в голову не приходит, что руководители НКВД могли мыслить разумно и логично.

О том, что у авторов не было никаких фактов, чтобы подтвердить свои фантазии, свидетельствует следующая фраза “Заключения”: “Решая свои ведомственные оперативные задачи (интересы наркомата в основном сводились к допросам, вербовке и защите агентуры), руководство НКВД с логической неизбежностью приближало ликвидацию военнопленных как людей, на которых опиралась польская государственность и которые не смирились с оккупацией страны, стремясь к возрождению Польши”. Фактически авторы признали, что приписываемая ими “логика” поведения руководства НКВД, **а не факты** служили им для обвинения советских властей в убийстве польских офицеров.

Рассуждения о логике прикрывают поразительные логические нелепости, совершенные авторами “Заключения”. Они не привели ни единого факта, что расстрелянные в Катынском лесу поляки были тем элитным срезом, на который “опиралась польская государственность”. Ныне эти утверждения постоянно повторяют СМИ Польши и России. С таким же упорством о гибели значительной части польской элиты говорят и в связи с крушением самолета президента Польши Качиньского под Смоленском.

В опубликованном 24 января 1944 г. сообщении Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров, в частности, говорилось: “Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием “штаб 537-го строительного батальона”, во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес (составители сборника документов Нюрнбергского процесса, выпущенного в Москве в 1954 г., указывали, что, как установил Международный трибунал, точная фамилия подполковника (оберст-лейтенанта) — Арнес. — **Прим. авт.**) и его сотрудники обер-лейтенант Рекст и лейтенант Хотт”.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, по показаниям которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

“Из всех материалов, находящихся в распоряжении специальной комиссии, а именно: показаний свыше ста опрошенных свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, из-

влеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск, до сентября 1941 г. включительно. <...>

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. немецкими оккупационными властями производились массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей. <...>

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти, в провокационных целях, предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчете поссорить русских с поляками. <...>

В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний старались найти “свидетелей” из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы собственных злодеяний и увеличить число “жертв большевистских зверств” в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работы по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны. <...>

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела – осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа – пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске. <...>

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил”.

Эти выводы специальной комиссии авторы “Заключения” подвергли грубым нападкам. При этом они опять прибегают к подтасовке и передергиванию фактов. Стараясь доказать, что члены комиссии не были свободны в своих суждениях, его авторы заявляли: “Задачи комиссии Н. Н. Бурденко определялись в письме возглавлявшего Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников председателя Президиума Верховного Совета Н. М. Шверника”. При этом после слов “Верховного Совета” опущено упоминание “РСФСР”, и у читателей “Заключения” может создаться впечатление, будто Шверник в это время занимал высший государственный пост в СССР. Между тем ничего ненормального не было в том, что глава Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков писал письмо членам специальной комиссии по этим же вопросам.

Обрушивая брань в адрес комиссии Н. Н. Бурденко (в “Заключении” голосовно утверждается: “Выводы комиссии Н. Н. Бурденко были звеном в цепи фальсификации, предпринятой сталинским партийно-государственным руководством для сокрытия правды о катынском злодеянии”), авторы “Заключения” **не нашли ни единого слова критики в адрес геббельсовской версии**. В то же время они вынуждены были признать, что: “... в материалах настоящего дела отсутствуют полные протоколы судебно-медицинских исследований останков экспертами комиссии Н. Н. Бурденко, соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях. Упомянутые материалы не удалось обнаружить в различных архивах и в ходе настоящего следствия. В то же время именно

эти документы должны были лечь в основу, на которой базировала бы свои выводы комиссия судебно-медицинских экспертов”.

Те же свидетельства, которые сохранились, были отмечены членами комиссии экспертов 1993 г. как недостаточные. “Заключение” голословно объявило, что “большинство документов... не могут служить доказательствами” или являются “заведомо фальшивыми”. Между тем, еще в ходе Нюрнбергского процесса свидетель обвинения профессор судебной медицины В. И. Прозоровский привел немало доказательств того, что расстрел польских офицеров не был произведен весной 1940 г. Он упоминал письмо, найденное судебным экспертом у одного трупа, отправленное из Варшавы 12 сентября 1940 г. и полученное в Москве 28 сентября 1940 г. **На трупах были найдены письма и квитанции с датировками за 12 ноября 1940 г., 6 апреля 1941 г., 20 июня 1941 г. При этом надо учитывать, что немецкие мастера фальсификации постарались уничтожить значительную часть материалов, которые, очевидно, противоречили их версии о расстреле польских офицеров весной 1940 г.**

На процессе в Нюрнберге был допрошен бывший заместитель бургомистра Смоленска профессор астрономии Борис Базилевский, рассказавший о своих беседах с представителями оккупационной администрации осенью 1941 г. Свидетель показал, что **от коменданта Смоленска фон Швеца русские сотрудники городского управления узнали об уничтожении польских военнопленных в сентябре 1941 г.**

На Нюрнбергском процессе были допрошены и те эксперты, которых использовали немецкие оккупанты для придания объективности “расследования” в Катынском лесу. Так, болгарский эксперт Марко Марков показал: “Мы были в Катынском лесу два раза. Каждый раз пребывание продолжалось не более 3—4 часов. В нашем присутствии не были разрыты новые могилы. Нам показали лишь несколько могил, уже разрытых до нашего прибытия. Вся наша остальная деятельность в течение этих двух дней носила характер быстрого осмотра под руководством немцев. Это напоминало туристскую прогулку”. И, тем не менее, ознакомившись с некоторыми трупами, Марков заявил, что, судя по их состоянию, “они находились в земле не более полутора лет”.

Пытаясь опровергнуть выводы комиссии Н. Н. Бурденко, авторы “Заключения” прибегли к очередной манипуляции фактами. Они написали: “Предпринятая на Нюрнбергском процессе в 1946 г. попытка советского обвинения в опоре на “Сообщение специальной комиссии” возложить вину за расстрел на Германию успеха не имела. Международный трибунал не признал выводы этого документа достаточно обоснованными, показания свидетелей — убедительными и не включил в приговор это преступление в вину немцам. Это решение советским обвинением не оспаривалось, и протест не вносился, хотя в других случаях советский представитель протест вносил”.

На самом деле Международный трибунал не выносил решений о признании выводов комиссии Н. Н. Бурденко “недостаточно обоснованными”, а о признании “показаний свидетелей” — неубедительными. Также известно, что трибунал заслушал множество свидетельских показаний и принял все документы к рассмотрению. Однако без всяких пояснений **не включил в приговор катынский эпизод, но признал нацистов виновными в расстреле военнопленных.** С чем это связано? Возможно, с технической небрежностью, допущенной при составлении приговора, ибо расстрел немцами польских военнослужащих на фоне массовых умерщвлений гитлеровцами сотен тысяч, миллионов людей оказался для судей незначительным и не влияющим на общее содержание приговора. Трибунал не признал поляков военнопленными, возможно, из-за того, что советские обвинители проявили некоторую самонадеянность и неточно назвали фамилии командования немецких воинских частей, сначала участвовавших в пленении поляков под Смоленском, а потом и в их расстреле.

Версий больше чем достаточно. Для нас важно другое — трибунал не оправдал военных преступников по этому эпизоду.

Что касается советского обвинения, то протесты им вносились лишь в связи с мерами наказания, выбранными для ряда подсудимых, и непризнания преступными ряда государственных организаций Германии. Заявление о провале усилий советских обвинителей по обвинению немецко-фашистских оккупантов — очередная попытка скрыть правду с помощью лживых уверток.

Это яркое свидетельство стремления “экспертов” оправдать преступления немецко-фашистских оккупантов и заслужить одобрение от идейно-политических наследников Геббельса.

Пытаясь опровергать выводы комиссии Н. Н. Бурденко, авторы “Заключения” утверждали, что “с 1 апреля по 19 мая 1940 г. на основании составленных П. К. Сопруненко и его заместителем И. И. Хохловым списков “заключенные из лагерей военнопленных были отправлены во внутренние тюрьмы НКВД, где они и были расстреляны”. После этого идет длинный перечень букв и цифр, которые, видимо, должны обозначать некие документы. Правда, тут же содержится примечательная оговорка: “Значительная часть документов о военнопленных для сокрытия факта расстрела была сожжена”. Ни единого документа, который якобы сохранился и подтверждал бы подобный факт, в “Заключении” приведено не было.

В нем сказано: “Военных расстреливали в подвальном помещении по одному выстрелом в затылок из немецкого пистолета “вальтер”. Это предложение позволило авторам “Заключения” объяснить наличие немецких пуль в телах расстрелянных польских офицеров. Еще когда Смоленск был в руках оккупантов, эксперты из направленной немцами в Катынь комиссии Польского Красного Креста установили, что пули, которыми были расстреляны польские офицеры, были немецкой марки “Геко”, серия Д, калибр 7,65 мм. На Нюрнбергском процессе помощник главного обвинителя от СССР Смирнов предъявил телеграмму, направленную чиновником генерал-губернаторства Хейнрихом из Смоленска старшему административному советнику Вейрауху в Краков: “Часть делегации Польского Красного Креста вчера возвратилась из Катыни. Сотрудники Польского Красного Креста привезли с собой гильзы патронов, использовавшихся при расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это немецкие боеприпасы. Калибр 7,65, фирма “Геко”. Письмо следует. Хейнрих”.

Правда, зависимые от немцев представители Польского Красного креста не решились, как это сказано в “Заключении”, признать ответственность немцев за преступление: “Факт использования немецкого оружия не был признан определяющим для установления вины той или иной стороны”. Но для Геббельса обнаружение немецких пуль стало неприятной неожиданностью. 8 мая 1943 г. он записал в своем дневнике: “К сожалению, в могилах Катыни были обнаружены немецкие боеприпасы. Вопрос о том, как это произошло, нуждается в выяснении”. Затем Геббельс, очевидно, стал придумывать версию, как объяснить присутствие немецких пуль, и записал: “Полагаю, это то, что мы продали в период наших дружеских отношений с Советской Россией, или же советские люди сами побросали их в могилы”.

Нелепость этих уверток была очевидна. Нет никаких оснований полагать, что немецкие пули служили в качестве боеприпасов Красной Армии. Еще нелепее предположить, что немецкие пули были сознательно использованы для расстрела польских офицеров или подброшены в могилы с целью ввести в заблуждение мировую общественность. В этом случае надо предположить, что советские власти еще весной 1940 г. заранее предвидели оккупацию Смоленска немцами и обнаружение ими захоронения.

Установление немецких пуль в трупах перечеркивает усилия гитлеровских фальсификаторов, и Геббельс приходил к неутешительному для себя выводу: **“Если это станет известно врагу, то от всей катынской истории придется отказаться”.**

Видимо, по этой причине вдруг весь “эксгумационный катынский архив” немцев (документы, гильзы, другие вещдоки, так называемый “Архив доктора Бутца”) – всего 14 ящиков – странным образом сгорел на железнодорожной станции в Дрездене в начале 1945 г. Сам же доктор Бутц, руководивший исследовательскими работами, в 1943 г. был убит.

И еще некоторые странности. “Катынский архив” техкомиссии Польского Красного Креста, также включавший некоторые документы, предметы и немецкие гильзы фирмы “Геко”, 7,65 мм, сгорел в Варшаве в 1944 г. А в 1948 г. член ПКК Яворский уничтожил все вещдоки, собранные им в Катынском лесу.

“Эксперты” комиссии ГВП, составившие “Заключение”, пришли на помощь Геббельсу. Утверждать, что все советские солдаты были вооружены немецкими “вальтерами”, они не решились. Известно, что Красная Армия вполне обходилась отечественными пистолетами и револьверами. Тогда, видимо, предположили, что **у работников НКВД в Смоленске был один немецкий**

“вальтер”. Именно с его помощью, по мнению авторов “Заключения”, расстреляли десять тысяч польских офицеров. Версия явно абсурдная.

Из телеграммы Хейнриха следует, что в могилах найдены гильзы патронов. Между тем в “Заключении” утверждается, что польских офицеров расстреливали в подвалах тюрем. Тогда надо предположить, что вместе с трупами в Катинский лес свозились и гильзы. Экспертов подвела их склонность мыслить известными стереотипами. Видимо, из чтения антисоветской литературы им стало известно, что в НКВД расстреливали в подвалах. Они не ознакомились с документами, из которых следует, что гильзы от немецких патронов лежали в могилах, вырытых в лесу, и попасть они туда могли только во время расстрела поляков.

Учитывая вышеизложенное, становится совершенно очевидным, что “эксперты”, имевшие ученые звания, извратили представления о научном и объективном исследовании. Содержание “Заключения” отражает позицию части научной интеллигенции страны, которая в 1993 г. послушно выполняла политический заказ правительства Ельцина и пошла на сделку со своей совестью и своим профессиональным долгом.

Политическая заданность в их выводах и оценках приводит к кошунственной подмене: погибшие советские люди выдаются за казенных поляков. При этом ответственность за массовую гибель наших граждан им представляется делом малоинтересным и не подлежащим внимательному исследованию, а ответственность за расстрел польских военнопленных возлагается на страну, которая понесла самые большие потери как до войны, так и в период всемирной катастрофы, которой была Вторая мировая война.

Основные выводы:

1. “Заключение” комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159, на выводах которого базируется обвинение сотрудников НКВД СССР и политического руководства Советского Союза в расстреле польских военнопленных под Смоленском, не отвечает требованиям уголовно-процессуального законодательства, является научно не обоснованным, юридически несостоятельным и ничтожным.

2. Материалы комиссии Н. Бурденко в совокупности со свидетельствами, полученными в послевоенный период, позволяют утверждать, что военнопленные поляки были расстреляны в Козьих горах (Катынь) под Смоленском немцами в период с августа 1941 года и позже, во время оккупации ими Смоленской области.

3. Предварительное расследование Главной военной прокуратуры в 1990–2004 годах проведено неполно и тенденциозно, с грубейшими нарушениями уголовно-процессуальных норм при явном злоупотреблении следователями служебным положением и отражает политические установки российской власти. Выводы ГВП о виновности в гибели почти 22 тысяч польских военнопленных сотрудников НКВД СССР и руководства Советского Союза 40-х годов прошлого столетия юридически несостоятельны.

4. Постановление о прекращении уголовного дела № 159, принятое Главной военной прокуратурой о расстреле польских военнопленных под Смоленском, подлежит отмене с последующим проведением дополнительного предварительного расследования. В случае подтверждения им прежних выводов о виновности сотрудников НКВД СССР и политического руководства Советского Союза, уголовное дело следует направить в суд для рассмотрения вопроса о их реабилитации и судебной оценки имеющихся в нем доказательств.

5. Внести предложение Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву о необходимости выяснения (расследования) на государственном (правительственном) уровне обстоятельств гибели десятков тысяч красноармейцев, оказавшихся в польском плену в 1920 году и содержавшихся в спецлагерях на территории Польши. Принять меры по увековечиванию их памяти, как жертв международных военных конфликтов.

Москва. Май 2010 г.